

Н.С. Сироткин

Обзор книги Н.И. Балашова «Слово в защиту авторства Шекспира»

«Кроме меня, в России никто не защитит Шекспира», — такие слова произнес Николай Иванович Балашов в Переделкине¹, где на отдыхе в Доме творчества прочитал книгу И.М. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или тайна Великого Феникса» (М.: Артист. Режиссер. Театр. 1997) и, по воспоминаниям вдовы ученого Татьяны Давлетовны Гиреевой-Балашовой, немедленно приступил к работе. Результатом ее стало «Слово в защиту авторства Шекспира» (М.: Международное агентство «A.D.&T.», 1998) — специальный выпуск альманаха «Академические тетради» — и выступление на заседании Президиума РАН в 1999 г. по вопросу об авторстве Шекспира.

Между выходом книги И.М. Гилилова и «Словом...» Н.И. Балашова нет и года. Выдающемуся филологу, крупнейшему российскому специалисту по романо-германским литературам и языкам не нужен был тайм-аут на поиски доказательств своей точки зрения. В трех тезисах он емко резюмирует гипотезу И.М. Гилилова, называя ее «неоретлендианской»:

¹ Цит. по статье В.А. Лукова в электронной энциклопедии «Мир Шекспира» (<http://www.world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3774.html>).

«во-первых, ...старую и выдохшуюся теорию о создании произведений Шекспира Роджером Мэннерсом, V графом Ретлендом (1576—1612) И.М. Гилилов дополняет *резким усилением уничижительного отношения к Шекспиру* как, к якобы, некультурному, даже неграмотному человеку, забывая даже то, что всю вторую половину жизни Шекспир именовался „Господином Шекспиром, джентльменом“ и имел блистательный дворянский герб. ...Во-вторых, И.М. Гилилов обновляет прежнюю теорию утверждением, будто *главным автором* с 1600-х гг. шекспировских произведений была юная леди Сидни-Ретленд (1585—1612) — „Великий Феникс“. В-третьих, в книге И.М. Гилилова основным документом антишекспиризма представлен Честеровский сборник 1601 г., *произвольно датированный исследователем 1613 годом*, как будто отражающий события, связанные со смертью четы Ретлендов летом 1612 г.» (с. 9).

И затем эти же тезисы выдающийся филолог превращает в посылки для опровержения гипотезы: «В самых важных узлах гипотеза И.М. Гилилова не выдерживает сколько-нибудь строгой историко-филологической критики, если понимать под таковой литературоведческую, текстологическую, лингвистическую и, связанные с ними, элементы исторической критики. Неоретлендианская гипотеза ни на шаг не продвигает ретлендианства вперед, а из-за недоказуемости передатировки Честеровского сборника на двенадцать лет вперед, выдвигаемой как главное „доказательство“ возможности ретлендовского авторства, обрушивает всю гипотезу с ее весьма косвенными подтверждениями и делает шаг назад» (с. 10).

Ученый невероятной эрудиции и обширности круга научных интересов, Н.И. Балашов сформулировал и выстроил композицию «Слова в защиту авторства Шекспира» быстро, ярко и основательно. Получилось даже не исследование, а парирование: контраргументы на аргументы, доказательства на гипотезы, открытие вместо обнаруженной подтасовки. «Жизнью V графа Ретленда... мы [бы] и не занимались, если бы не очевидная серия обид, нанесенных не Роджером Ретлендом, а И.М. [Гилиловым] королевскому поэту мистеру Шекспиру, и не новое ... прорастание антишекспиризма именно в России» (с. 109). Балашов возмущен, обижен за Шекспира. Для него Шекспир реален и в конце 20 века: «...И.М. Гилилову ...лучшим путем в утверждении неоретлендианской гипотезы показалось

систематическое унижение Шекспира» (с. 22). И Балашов-ученый защищает актера, писателя и человека Шекспира по-рыцарски отважно и по-мальчишески увлеченно. «Слово в защиту авторства Шекспира» — не только эрудированный ответ ученого, но и дуэль.

При этом Н.И. Балашов отдает должное филологическому открытию Гилилова: «Натолкнуло же И.М. Гилилова на неоретлендианство сделанное им достойное уважения открытие в истории русского перевода. И.М. Гилилов заметил, что стихотворение Шекспира „Феникс и Голубь“ [получило заголовок] с легкой руки П.А. Каншина, который, впервые перевода стихотворение в 1893 г. как „Феникс и Голубка“, оказался менее внимательным англичанином, чем привычным латинистом. Он [И.М. Гилилов] передал заглавие и пол героев, как это было бы по латыни: „Феникс и Голубка“ („Phoenix et Turtur“») (с. 10). К тому же Гилилов ввел в научный оборот важный для шекспироведения материал, однако это, по мнению Н.И. Балашова, не спасло исследователя: «Удачное открытие (хотя английского текста, как такового, оно не касалось) повело И.М. Гилилова по скользкой дороге исследовательских бед» (с. 10).

Н.И. Балашов утверждает: «Главной... причиной неубедительности неоретлендианской теории у И.М. Гилилова стало ошибочное понимание, прочтение, датировка и выводы из Честеровского сборника 1601 г., который изучал он с немалыми заслугами в частности, но *с неправильными подходами к целому*» (с. 64). И даже упрекает: «И.М. Гилилов, имевший такую возможность работать со старинными экземплярами *de visu*, не распутал, а запутал хронологию издания» (с. 69).

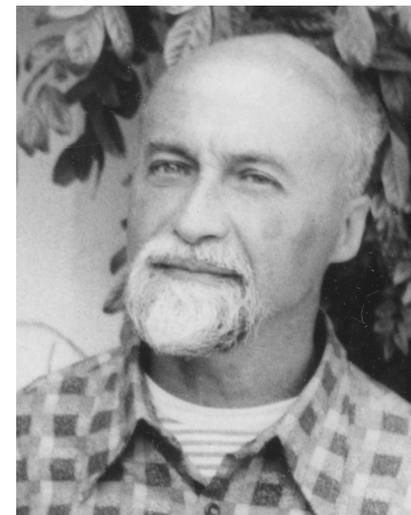
Далее на протяжении почти 130 страниц Н.И. Балашов последовательно и с блеском приводит контраргументы на аргументы Гилилова, часто обнаруживая их неточность, избирательность, иногда нелепость самой постановки вопросов исследователя или даже лукавство в их формулировании: будь то интерпретация подписи стихотворения Шекспира в Честеровском сборнике 1613 г. или шести сохранившихся подписей Шекспира последних лет (1612–1616 гг.), «раздвоение личностей и имен на Шекспир и Шакспер», выбор наиболее вероятных претендентов в Шекспира — «четыре графа», интерпретация девиза, написанного Шекспиром для VI графа Ретленда, попытки передатировать и переадресовать уцелевшие экземпляры Честеровского сборника или проретлендианская трактовка комедии «Как вам

это понравится» и даже «полное искажение английской грамматики» (с. 135).

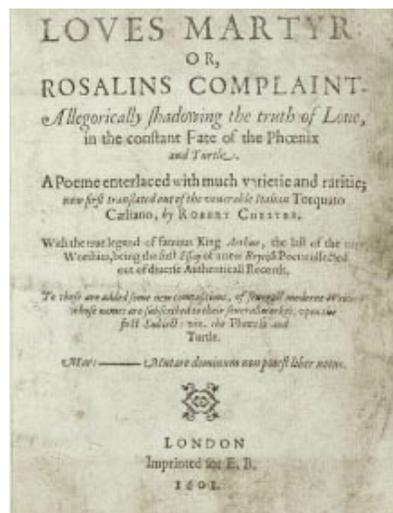
Однако Н.И. Балашову не кажется уместным и тон, выбранный исследователем Гилиловым для разговора о Шекспире, он упрекает Гилилова в недоброжелательности по отношению к Шекспиру, в насмешках над ним, в «систематическом унижении Шекспира», в «непривычной в шекспироведении на редкость грубой интонации и... лексике» (с. 19) (см. также главу про неуместность насмешек над поздним повторением надгробного бюста Шекспира — с. 62–63). «Гилилов не анализирует, а идет на поводу у своего антишекспиризма», у него «укоренился «заданный» антишекспиризм» (с. 82) — прямо-таки обвиняет Балашов.

Н.И. Балашов не только отталкивается от текста «Игры об Уильяме Шекспире...» — он предлагает факты и ставит вопросы, интерпретаций или ответов на которые у Гилилова не находит:

- гениальность Шекспира («Кратко о культурологии художественной гениальности» — с. 36–45);
- злая предсмертная шутка поэта Роберта Грина как свидетельство творческой значимости молодого драматурга Шекспира (с. 52–54);
- почерк «D» в рукописи отрывка из драмы «Сэр Томас Мор» (графическое сопоставление с шестью подписями Шекспира последних лет, черты орфографии и стиля диалогов доказывают принадлежность этого отрывка Шекспиру — с. 58–59);
- воспоминания Бена Джонсона о Шекспире (с. 87–91);
- и др.

Н.И. Балашов

Первая страница
«Честеровского сборника»

Шекспира. Но сказать об этом прямо было невозможно, и Честеровский сборник выразил брожение умов и отражающие его косвенно „затененные“ („shadowed“) причудливые рисунки поэтов» (с. 95).

«Честеровский сборник 1601 г. возник на фоне угрозы национальной катастрофы (как изменился с этого года дух трагедий Шекспира) и не только на фоне трагедии Голубя-Эссекса, но и на фоне трагедии обречшей себя на одинокое бездейственное самосожжение на медленном огне королевы Феникс-Елизаветы, окончательно забывшей молодое: „Love hath reason, reason none...“ („Ум неправ, любовь права“ — „Феникс и Голубь“, ст. 47. Перевод В. Левики). Сборник при всей своей намеренной запутанности (рисковали головой) привлек крупнейших поэтов и выразил угрозу общенационального тупика и брожения умов первого времени после роковой казни Эссекса весной 1601 г. ...Честеровский сборник *был порожден* не гипотетической, придуманной ретлендианцами через 300 лет манерной игрой в прятки, на которую вообще-то едва ли были способны благородные Ретленды-Мэннерсы. Сборник был порожден не семейным кризисом Роджера и его жены леди Ретленд и их гибелью, а наступ-

лением *национального кризиса*, полнее всего выраженным в трагедиях Шекспира после 1600 г.» (с. 99–100).

Н.И. Балашов резюмирует: «Пафос сборника в *тоске о неосуществившемся национальном примирении*» (с. 100). Возможно, эта интерпретация Честеровского сборника — еще одна заслуга академика не только в шекспироведении, но и в истории мирового литературоведения. И самый продуктивный результат филологической дуэли.

